

—

Янь Чангэ намеревался совершить доброе дело, уйти без славы и имени, забрав лишь часть заслуги. Но не успел он отойти и на полшага, как услышал, что Шэнь Ифэй кричит: «Нельзя уходить! Вы — свидетель по делу, вы должны вернуться со мной и дать показания!»

Что ж, похоже, в этом мире не принято совершать добрые дела анонимно.

Поскольку они приехали на большом фургоне, Янь Чангэ развернулся и вернулся в машину. Несколько членов отряда втолкнули в машину Ван Яньфэна, который бледный, шатаясь, сплёвывал кровь. Цюй Лянь припарковал свой кабриолет на обочине и, как жертва, тоже сел в фургон, сразу же устроившись рядом с Янь Чангэ.

Янь Чангэ сидел на том же месте, где сидел раньше; стекло рядом с ним было разбито его ударом. Цюй Лянь некоторое время смотрел на разбитое стекло, а затем внезапно сказал: «Я помню, что это стекло не просто пуленепробиваемое, оно может выдержать удар в несколько тысяч килограммов».

Его красивые глаза обратились к Янь Чангэ. Увидев, что тот одет в ту же одежду, которую он видел несколько дней назад – слово «бедность» словно отчётливо отпечаталось на одежде Янь Чангэ, Цюй Лянь улыбнулся и спросил: «Кто должен оплачивать ущерб полицейской машине?»

Тело Янь Чангэ мгновенно напряглось. Шэнь Ифэй почесал затылок и сказал: «Думаю, это можно списать как повреждение при исполнении. В конце концов, ситуация была критической, и нельзя заставлять справедливого человека платить за это. Иначе все, кто творит добро, будут разочарованы».

Услышав это, напряжённое тело Янь Чангэ немного расслабилось. Цюй Лянь, который внимательно наблюдал за ним, не пропустил этого тонкого движения.

Цюй Лянь, конечно, знал, что Янь Чангэ не придётся платить, но он также знал, что Янь Чангэ, вероятно, не в курсе. Всего одной фразой он проверил этого человека на прочность. Он слегка улыбнулся, положил руку на руку Янь Чангэ, наклонился к его уху и тихо сказал: «Это уже второй раз, когда вы меня спасаете. Значит, вы действительно хороший человек».

Пальцы Цюй Ляня были длинными, с чёткими суставами и белыми, а его рука на цвета пшеницы руке Янь Чангэ создавала сильный визуальный контраст. Цюй Лянь слегка похлопал или погладил тыльную сторону руки Янь Чангэ — вроде бы обычное прикосновение, но с оттенком бесконечной двусмысленности.

«За каплю милости следует отплатить целым источником. За спасение жизни, не должен ли я

отплатить самим собой?» — Голос Цюй Ляня был хриплым и притягательным. Его улыбающееся лицо походило на демона, искушающего к греху.

Янь Чангэ с недоумением посмотрел на этого человека. Уже дважды он спас его, но, кроме обычной заслуги, которую ему дало Небесное Дао за спасение жизни, он совершенно не получил никакой благодарственной заслуги от Цюй Ляня. Действительно ли этот человек благодарен ему? Он не видел в нём ни капли искренности!

«Не нужно», — медленно сказал Янь Чангэ. — «Я бы спас любого другого, а не только вас, и я уже получил свою награду, вам не о чем беспокоиться».

«Какую награду? Я ещё ничего не сделал», — Цюй Лянь слегка наклонил голову. Его помощник ещё не приехал, и он не успел выписать чек.

Янь Чангэ с бесстрастным лицом, полным злой ци, и жёстким голосом сказал: «Помощь людям — это уже награда. Я очень доволен тем, что смог помочь другим».

Все в машине: «...»

Не говоря уже о том, что святые слова Янь Чангэ вызвали у всех мурашки, его лицо, выражение, голос и аура создавали стойкое ощущение, что он только что сказал: «Я очень доволен тем, что смог причинить вред другим».

Шэнь Ифэй почувствовал, что у него сводит зубы, а также странное ощущение жжения на лице.

«Кхм-кхм», — Шэнь Ифэй слегка кашлянул, пытаясь избавиться от этого ощущения. — «Послушайте, Янь Чангэ, хотя разбитое стекло было вынужденной мерой в критической ситуации, вам не придётся нести эти расходы. Но я должен подготовить вас к одному: Ван Яньфэн был нами обезврежен, а вы причинили ему вред, что выходит за рамки самообороны. Вам нужен адвокат?»

Когда он это сказал, Ван Яньфэн, полумёртвый, прислонившийся к спинке сиденья, со злостью уставился на Янь Чангэ, словно пытаясь прожечь в нём дыру взглядом.

«Когда это я причинял ему вред?» — нахмурившись, спросил Янь Чангэ.

«Ну... вы же лишили его...» — неуверенно сказал Шэнь Ифэй.

Янь Чангэ внезапно прервал Шэнь Ифэя: «Я помню, вы только что сказали, что условием для Ассоциации Боевых Искусств и семьи Ван, чтобы забрать Ван Яньфэна и строго его контролировать после ареста по делу «412», было лишение его боевых искусств, верно?»

После этого напоминания до всех мгновенно дошло.

Точно! Ван Яньфэн по идее уже должен быть «лишён своих боевых искусств». Ни Ассоциация Боевых Искусств, ни семья Ван не смогут поднять шум по этому поводу.

Ван Яньфэн, придерживаясь принципа не говорить ни слова до прибытия адвоката, хранил молчание, но его взгляд никогда не отрывался от Янь Чангэ. От этого взгляда членам отряда, сидевшим рядом с ним, стало жутко, но Янь Чангэ казался совершенно невозмутимым.

Ни рука Цюй Ляня на его бедре, ни леденящий взгляд Ван Яньфэна не оказывали на него никакого влияния. Он спокойно сидел в машине. Когда ветер, врывающийся в разбитое окно, начал растрёпывать волосы Цюй Ляня, он слегка повернул тело, чтобы заслонить Цюй Ляня от ветра.

Красивая бровь Цюй Ляня слегка приподнялась, и Янь Чангэ увидел, как прядь заслуги покорно подлетела и, без всякого сопротивления, вошла в его тело.

Янь Чангэ: «...»

Он странно посмотрел на Цюй Ляня. Этот человек не испытывал благодарности, когда он помогал ему с жуликами- Попрошайками, не чувствовал благодарности, когда он спас его от маньяка-убийцы, но стоило ему просто заслонить его от ветра, как он проявил такую щедрую благодарность.

Какой странный человек.

Янь Чангэ некоторое время пристально смотрел на Цюй Ляня. В поле зрения Янь Чангэ Цюй Лянь сохранял самую элегантную и красивую позу. Он всегда знал, как выглядеть абсолютно идеально в глазах других; второй молодой господин Лянь всегда был красавцем, идеальным со всех сторон.

Янь Чангэ протянул руку к Цюй Ляню и, под его несколько ожидающим взглядом, слегка коснулся пальцем его межбровья.

«Твоё межбровье потемнело, тебя в ближайшее время ждёт большая беда», — сказал Янь Чангэ.

«С каких пор ты работаешь ещё и гадалкой?» — Цюй Лянь схватил Янь Чангэ за палец. По какой-то причине, в момент прикосновения, его ладонь пронзила боль, словно её порезали острым предметом. Цюй Лянь раскрыл ладонь, на ней не было никаких ран, но жгучая боль ничуть не уменьшилась.

«Не прикасайся ко мне просто так», — Янь Чангэ отдернул руку. — «Ты несешь бедствие

пятого года. Ты уже пережил две смертельные катастрофы в возрасте пяти и пятнадцати лет. В этом году тебе исполняется двадцать пять, и до конца года тебе придется столкнуться с еще одной смертельной катастрофой. Если ты сможешь пережить этот год, ты сможешь жить спокойно до тридцати пяти. Если не сможешь...»

Он больше ничего не сказал. Поскольку это была смертельная катастрофа, если он не сможет ее пережить, он, естественно, покинет этот мир.

Улыбка, постоянно висевшая на губах Цюй Ляня, наконец исчезла. Он спокойно сказал: «Ты действительно умеешь предсказывать судьбу?»

Янь Чангэ покачал головой: «Это всего лишь поверхностные знания, но такая очевидная физиогномика видна и без них».

Эти слова, наконец, заставили Цюй Ляня замолчать. Он сидел рядом с Янь Чангэ, поджав губы, и не проронил ни слова до самого полицейского участка.

Несколько членов отряда по отдельности взяли показания у троих. Цюй Лянь объяснил, что не знает Ван Яньфэна; с момента совершения преступления прошло несколько лет, и никто уже не помнит, как выглядел убийца. Он просто увидел Ван Яньфэна прошлой ночью в баре с друзьями. Ван Яньфэн, хотя и был маньяком-убийцей, много лет занимался боевыми искусствами, имел прекрасное телосложение и красивое, хищное лицо, что делало его очень привлекательным. Неизвестно, сам ли пьяный Цюй Лянь познакомился с Ван Яньфэном, или Ван Яньфэн нацелился на Цюй Ляня, но они обменялись контактами на месте, и сегодня Ван Яньфэн сам позвонил Цюй Ляню.

Сегодня, когда Цюй Лянь приехал на встречу с Ван Яньфэном в назначенное место, он почувствовал, что что-то не так. Он попытался уехать на машине, но для разгона требовалось время, и за эти мгновения Ван Яньфэн догнал его благодаря своим навыкам лёгкости и запрыгнул в машину. Холодное прикосновение к талии заставило Цюй Ляня успокоиться, и он ехал по указаниям Ван Яньфэна, выжидая возможности сбежать. Но с мастерством Ван Яньфэна, если бы не случайная встреча с Янь Чангэ, Цюй Лянь сегодня действительно мог бы умереть, как было предсказано в его 25-летний кризис.

Ван Яньфэн, с другой стороны, сказал только одну фразу: «Я требую моего адвоката», после чего замолчал. Его допрос не дал результатов. Выглядел он очень плохо; любому было бы не по себе после потери боевых искусств, но ему пришлось с этим смириться, так как он по умолчанию был «лишённым боевых искусств».

Янь Чангэ только что закончил давать показания, когда услышал в соседнем кабинете недоумённый голос капитана Шэня: «Почему семья Ван и Ассоциация Боевых Искусств должны были защищать такого человека, как Ван Яньфэн? Ради него они сослались на старое «Соглашение о Союзе Боевых Искусств», где сказано, что люди из мира боевых искусств обязаны служить стране во времена национальных бедствий, а также имеют право наказывать осуждённых преступников своего клана в соответствии с правилами своего клана. Это

«Соглашение» и так постоянно подвергалось критике; несколько раз на заседаниях поднимался вопрос о его отмене, чтобы люди из мира боевых искусств тоже подчинялись законам. Но они использовали «Соглашение» ради Ван Яньфэна, и это лишь даст больше оснований для его отмены. Что такого ценного в Ван Яньфэне, что они приложили столько усилий, чтобы сохранить его?»

Конечно, капитан Шэнь говорил негромко, обсуждая детали дела со своими коллегами за закрытыми дверями. Но это не имело значения для Янь Чангэ, чьи уши были настолько остры, что он слышал шёпот в радиусе километра, не говоря уже о том, что их разделяла всего лишь стена.

Поэтому Янь Чангэ постучал и вошёл в кабинет. Он сказал Шэнь Ифэю: «Думаю, я знаю, почему семья Ван и Ассоциация Боевых Искусств защищали его и хотели сохранить его боевые искусства».

«Как вы меня слышали... Ладно, это неважно», — Шэнь Ифэй встал. — «Как вы думаете, почему?»

«Из-за его телосложения и метода совершенствования», — сказал Янь Чангэ. — «Я сразу почувствовал, что он практиковал несправедную внутреннюю силу. Обычно кланы боевых искусств не занимаются такими зловещими боевыми искусствами».

«Какими зловещими боевыми искусствами?» — Все сотрудники в кабинете наострили уши.

—

Автору есть что сказать:

Цюй Лянь: Прикоснулся к твоей руке — порезался, прикоснулся к твоему плечу — порезался, прикоснулся к твоей груди — порезался. Ну-ка, скажи мне, где у тебя лезвие, где у тебя тело меча, а где у тебя рукоять?

Янь Чангэ: Я — божественное оружие номер один в мире, естественно, я нерушим и остёр повсюду.

Цюй Лянь: Чёрт, катись-ка ты с моей кровати.

Янь Чангэ: QAQ

Вы поняли смысл этой грязной маленькой сценки? Улыбаюсь, прикрыв рот~

—

<http://bllate.org/book/14517/1285709>